

Полковник И.И. Стрельбицкий — первый русский «военный агент» в Корее*

© 2012

Д. Павлов, Н. Павлова

В статье, основанной на документах Российского военно-исторического архива, рассматривается деятельность в 1896–1903 гг. первого русского военного атташе в Корее полковника И.И. Стрельбицкого. Авторы приходят к выводу, что вклад Стрельбицкого в развитие русско-корейских отношений неверно оценен в историографии. Его деятельность в значительно большей мере способствовала культурному общению и «взаимоузнаванию» двух соседних стран нежели развитию между ними военного сотрудничества.

Ключевые слова: русско-корейские отношения на рубеже XIX–XX вв., русский военный атташе.

Генерального штаба полковник И.И. Стрельбицкий, первый из четырех военных атташе («военных агентов») царской России в Корее¹, долгое время оставался забытым и недооцененным участником русско-корейских отношений рубежа XIX–XX вв. За шесть с половиной лет его пребывания на корейской земле (с августа 1896 г. по февраль 1903 г.) эти отношения развивались динамично и драматически. За беспрецедентным русско-корейским сближением 1896–1898 годов последовало угасание влияния России на полуострове, а затем и попытка ее экспансии под прикрытием «частной» лесопромышленной компании «безобразовцев» на фоне роста подозрительности и недоверия с обеих сторон. Фигура Стрельбицкого оказалась в тени этих масштабных событий, и в российской историографии первые исследования об этом военном дипломате стали появляться лишь столетие спустя — в 2000-е гг.² Однако при этом сильные стороны его работы в Корее оказались не освещены, напротив, слабые — преувеличены, и вся деятельность Стрельбицкого, вырванная из контекста русско-корейских реалий, однобоко истолкована и оценена. Его взгляды на характер и перспективы русского курса в Корее, которые стали частью дискуссии в российских верхах относительно общей стратегии на Дальнем Востоке, вообще остались не рассмотренными. Настоящая статья есть попытка восполнить указанные пробелы и недочеты.

Одной из их вероятных причин является скудость источниковой базы, которая исчерпывается материалами официального делопроизводства. В распоряжении историков имеется не более десятой части из тех 300–350 донесений, которые Стрельбицкий в общей сложности направил из Сеула в Главный штаб, да и те рассредоточены по делам

Павлов Дмитрий Борисович, доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва). E-mail: dpavlov2003@mail.ru.

Павлова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ культурологии. E-mail: 4nat@list.ru.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00502а.

нескольких фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Их основная часть отложилась в документах фондов 448 (Коллекция «Корея»), 400 (Главный штаб) и 846 (Военно-ученый архив) РГВИА. Источники других видов по данной теме нам обнаружить не удалось.

27 января/8 февраля 1896 г. состоялось назначение подполковника Ивана Ивановича Стрельбицкого на вновь учрежденную Россией в одностороннем порядке должность «военного агента» в Сеуле. К этому времени за плечами этого 35-летнего потомственного дворянина, уроженца Петербургской губернии были Николаевское кавалерийское училище и Николаевская академия Генерального штаба, оконченная по 2-му разряду, затем — служба в Закаспийской области, в Сибири (во 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригаде) и многомесячные рекогносцировки в Персии (в 1889 и 1891 гг.), Монголии (1894 г.), Корее (1894 г.) и Маньчжурии. К моменту назначения в Сеул Стрельбицкий на протяжении полугода (с августа 1895 г.) снова находился «в поле» — на рекогносцировке маньчжуро-корейской границы, по результатам которой в марте 1896 г. получил полковничьи погоны. Именно здесь, на севере и северо-востоке «дальневосточной Италии», как нередко называли Корею в западной публицистике, оказалась в дальнейшем сосредоточена его деятельность как военного топографа. 15/27 июля 1896 г. он в новом качестве отправился в Сеул.

Ближайшим поводом к учреждению российским военным ведомством должности своего постоянного представителя в Корее явилась последовавшая в январе 1896 г. просьба корейского короля направить в его страну русский военный отряд для защиты от происков японцев. В феврале того же года корейский монарх тайно переехал в российскую миссию, а вскоре через российского поверенного в делах запросил Петербург об отправке в Сеул военных инструкторов и военного советника при своей персоне «для устройства корейских войск». В российской столице эти демарши были истолкованы как свидетельство решимости Коджона «вверить судьбы своей страны России»³. Первое зарубежное (в страны Запада) посольство Кореи, направленное на коронационные торжества в Москву весной 1896 г., устами своего главы Мин Ёнхвана подтвердило и конкретизировало эти планы своего монарха. Итогом переговоров Мин Ёнхвана в российских министерствах иностранных дел и военном летом того же года явилось согласие Петербурга направить в Корею военного советника и отряд военных инструкторов. Советником был назначен ведущий на тот момент эксперт Главного штаба по дальневосточным делам полковник Д.В. Путята, которому надлежало самостоятельно набрать инструкторов в войсках Приамурского военного округа. 3/15 октября 1896 г. «русская военная миссия», как ее называли корейцы, с соблюдением конспирации отплыла из Владивостока в Сеул на канонерской лодке «Гремящий»⁴. Кроме самого Путяты в состав «миссии» вошли два младших офицера, военный врач и десять унтер-офицеров. Вместе с ними к родным берегам отправилось и посольство Мина.

Учреждая пост «военного агента» в Сеуле, Петербург, очевидно, не имел в виду изучить состояние вооруженных сил королевства. Несовершенство тогдашней военной организации Кореи не являлось секретом (об этом в русском военном ведомстве было известно из донесений своих офицеров, совершивших путешествия по полуострову), а появление при дворе Коджона Путяты и его подопечных гарантировало поступление в скором будущем еще более полной и точной информации на этот счет. Перед военным атташе в Сеуле вставали более общие и масштабные задачи, в конечном счете нацеленные на укрепление и наращивание российского военно-политического влияния в Корее и в дальневосточном регионе в целом.

Российские военные теоретики рассматривали Корейский полуостров как «крайний восточный фланг русской сибирской границы» и, одновременно, вероятный плацдарм для операций японцев против своей сухопутной (в середине 1890-х гг. 30-тысячной) дальневосточной группировки⁵. Исходя из этого, чисто географически полу-

остров представлял собой потенциальную угрозу русскому Приморью с юга, а в случае занятия Россией северо-восточного Китая — и ее маньчжурской группировке. В то же время Корея оценивалась русским командованием как неподходящий объект для собственного масштабного военного присутствия и даже как нежелательный театр военных действий по причине почти полного бездорожья, сложного горного рельефа, удаленности от собственных баз снабжения, низкого экономического потенциала и общей отсталости страны, бедности ее населения. Были приняты во внимание и претензии соседней Японии на единоличное господство на полуострове. «Чтобы в будущем Россия действительно могла прочно стоять на Тихом океане», указывал в 1895 г. виднейший русский военный аналитик генерал-адъютант Н.Н. Обручев, ей необходимо занять северную Маньчжурию и «небольшую часть северной Кореи [здесь и далее подчеркнуто военным министром. — Авт.] с бассейном р. Тумень-улы и портом Шестакова», тем самым «уравновесив» и исключительное японское влияние в остальной части королевства, с которым, по мнению Обручева, России впредь следовало смириться⁶.

В противовес этим взглядам армейского командования русские военные моряки с воодушевлением взирали на незамерзающие и удобные южно-корейские гавани, как на идеальные места для базирования своей Тихоокеанской эскадры. На русском военнополитическом Олимпе тех лет продолжала обсуждаться и целесообразность установления над Кореей протектората — вопроса, инициированного самим Сеулом еще в середине 1880-х гг.⁷ Но прежде, чем принимать то или иное стратегическое решение, Корею предстояло обследовать и изучить, тщательно и всесторонне проанализировав ее современное положение.

Между тем, российское военное руководство имело весьма поверхностное представление о политическом состоянии соседнего королевства, его государственном устройстве, о ситуации в королевском дворце, в столице и на местах, о положении в финансах и экономике Кореи, о настроениях в ее правящих сферах и в различных слоях общества. Достоверные карты полуострова, пригодные для военных целей, отсутствовали, очертания большей части береговой линии были гадательны, многочисленные бухты и острова не описаны. Маршрутные съемки, путевые записи и отчеты горстки сухопутных путешественников из числа офицеров Генерального штаба (В.А. Альфтана, М.А. Соковина, В.П. Карнеева, И.И. Стрельбицкого) — вот, практически, все, что к весне 1896 г. имела в своем распоряжении о Корее Азиатская часть российского Главного штаба.

В отличие от МИДа, в военном ведомстве не было принято снабжать своих зарубежных представителей письменными инструкциями, а содержание напутственных бесед, которое вело со Стрельбицким командование, документально не отображено. Однако из донесений Стрельбицкого первых лет его пребывания в Сеуле поставленные перед ним в Петербурге задачи просматриваются довольно явственно. Ближайшей из них было создать благоприятные условия для работы группы полковника Путяты, и дело тут заключалось не только в решении организационно-бытовых вопросов. По выражению осведомленного наблюдателя, в преддверии прибытия в Сеул «команды» русских военных специалистов «нельзя было допустить короля склониться на сторону тех политических партий, которые не видели иного способа в улажении внутренних политических затруднений, как обратившись за содействием к Японии»⁸. Другими словами, Стрельбицкому следовало не просто выявлять антироссийские «происки Токио» (на чем делает акцент историк Е.В. Добычина), но и нейтрализовать их на месте.

10/22 октября 1896 г. Путяту и его спутников в Чемульпо встречали русский поверенный в делах К.И. Вебер и наш герой, к которым на полдороге в Сеул присоединились корейские сановники, посланцы короля. «Русская военная миссия» была с почетом доставлена в столицу и на следующий день представлена монарху. В начале ноября того же года инструкторы приступили к обучению батальона корейских войск, после возвращения короля во дворец в феврале 1897 г. превращенного в его личную охрану и затем

получившего гвардейский статус. Полковник Путята с первых дней в Корее был наделен особыми полномочиями, став советником короля по вопросам реформы корейских вооруженных сил. Таким образом, свою первую важную функцию на корейской земле Стрельбицкий успешно выполнил, тем самым внося заметный вклад в дальнейшее русско-корейское сближение.

Следующим его шагом стало обстоятельное знакомство с общественно-политической ситуацией в этой стране, которой он целиком посвятил свое первое подробное донесение в Главный штаб. Анализируя деятельность четырех сеульских «партий» («национально-народной», «американской», «японской» и «русской»), попутно он охарактеризовал виднейших государственных и общественных деятелей Кореи в ее настоящем и недавнем прошлом — отца короля и его бывшего регента («Тай-Вон-Гуна»), первого министра («Ким-Пьен-Си»), министра иностранных дел («И-Ван-Иона»), самого короля (который, по мнению Стрельбицкого, в тот момент являлся «искренним и могущественным, но едва ли надежным союзником» России), покойную королеву Мин, новоиспеченного гражданина США Филиппа Джейсона (урожденного «Со-Джай-Пиль») и др. Главный вывод русского военного атташе относительно текущего «состояния умов» в Корее заключался в том, что *«убеждение в необходимости самостоятельной внутренней политики стало положительно общим достоянием нации»*. Как показали последующие события, это была вполне адекватная оценка.

Однако, вопреки подобным настроениям большинства корейцев, в том же донесении Стрельбицкий предрекал «неизбежное» в скором будущем включение полуострова в состав Российской империи. *«Обстоятельства вынудят нас рано или поздно занять страну, — утверждал он, — и всякая попытка иначе устроить дело независимой Кореи окажется лишь паллиативом, за которым всегда будет стоять призрак военного вмешательства»*. Присутствие в Корее русского военного советника и армейских инструкторов он считал ситуацией зыбкой и, в сущности, ничего не гарантирующей («все это само по себе далеко не составляет еще достаточно веских гарантий прочного влияния на страну»), намекая, таким образом, на необходимость установления российского протектората. Осуществимость и последствия такого шага, который он одновременно рассматривал как ступень к занятию полуострова, Стрельбицкий оценил следующим образом: *«Установление более прочной и определенной формы влияния России, напр[имер], в виде протектората, по всем данным, не встретило бы затруднений со стороны собственно массы народа, но лишь при неперменном условии полного невмешательства на первое время в дела внутренней жизни страны, при сохранении старинной религии, старых обычаев и даже предразсудков, прежней формы правления и т.д.»*⁹. В общем, по логике рассуждений русского военного атташе, России следовало воспользоваться своим настоящим «исключительно благоприятным положением в Корее» и без замедления объявить ее своим протекторатом, имея в виду последующую аннексию королевства. Неизбежную в таком случае острую реакцию Токио Стрельбицкий в расчет совершенно не брал.

Однако в Главном штабе в то время преобладали иные настроения. С подачи Путяты и с учетом мнения российского внешнеполитического ведомства, которое старалось всеми способами избежать обострения отношений с Японией, в 1896–1897 гг. здесь набирала силу программа мирного проникновения и закрепления в Корее с опорой на институт военных инструкторов, без формального покушения на независимость королевства или попыток оккупации его территории. Поэтому на идеи Стрельбицкого в Петербурге отреагировали вяло. Из числа крупных военных чинов за немедленную высадку батальона русских войск в стратегически важных пунктах полуострова высказался лишь командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов¹⁰. Но император Николай II, тогда же (в декабре 1897 г.) лично инструктируя отбывавшего в Сеул нового посланника (Н.Г. Матюнина), подчеркнул, что Россия не стремится ни к завоеванию Кореи, ни к установлению протектората над ней, почему наиболее желательным для Петер-

бурга является сохранение независимости королевства¹¹. В итоге «корейскую» инициативу Стрельбицкого в Петербурге проигнорировали.

Уловив скепсис начальства, в своих последующих донесениях к стратегическим вопросам русской политики в Корее Стрельбицкий более не возвращался, сосредоточившись на анализе корейской политической «злобы дня» с экскурсами в недавнюю историю страны и подробными комментариями относительно устройства и особенностей функционирования государственного аппарата королевства, придворных нравов и обычаев, религиозно-конфессиональной, общественно-политической и финансово-экономической жизни страны. В мае 1897 г. он направил в Петербург сведения о бюджете Кореи на текущий год (в общей сумме чуть менее 4,2 млн долларов) с росписью его доходной и расходной частей; в начале 1898 г. — перечень казенных рудников с обозначением их на карте; в 1897–1898 гг. — донесения о ходе железнодорожного и телеграфного строительства на полуострове, в ноябре 1898 г. — 56 листов съемок японских маршрутов по Корее в ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг.¹² В 1897–1898 гг. в поле зрения Стрельбицкого постоянно находилась и ситуация вокруг русских военных советника и инструкторов — отношение к ним короля, придворной «партии» и правительства, противодействие их деятельности со стороны официальных представителей Японии, Великобритании и США. Козни японских и британских дипломатов были ожидаемы, но интриги их американского коллеги привели русского атташе к выводу, что и «эта нация является в Корее далеко не нейтральной силой, а силой, при известных обстоятельствах, прямо-таки нам враждебной»¹³.

Помимо сбора разнообразных военно-статистических данных Стрельбицкому приходилось выполнять разовые поручения штаба Приамурского военного округа (в основном они касались выяснения текущей ситуации на маньчжуро-корейской границе и топографической съемки приграничных территорий со стороны Кореи), русской миссии в Сеуле (по ее заданию в декабре 1897 г. он осматривал местность, прилегающую к порту Мокпо) и, разумеется, своего высшего начальства. Вскоре после заключения русско-китайского договора об аренде Ляодунского полуострова в марте 1898 г. «военный агент» получил указание министра А.Н. Куропаткина «исследовать вопрос о снабжении порта Артура углем из Кореи, например, из Пхеньяна»¹⁴. Результаты обследования «Пенианских копей» Стрельбицкий телеграфировал в Петербург в июне 1898 г., предварительно отправив взятые на месте образцы корейского угля в Порт-Артур для его испытания на русских военных судах.

Сбор всех этих сведений представлял немалые трудности. «В Корее нет ни статистики, ни каких-либо военных, экономических, парламентских и т.п. отчетов, ни серьезно осведомленной прессы, ни возможности получать известия из провинции, ни даже того нейтрального в политическом отношении общества, среди которого можно было бы почерпнуть какие-нибудь сведения, — описывал Стрельбицкий в 1902 г. условия своего повседневного существования в Сеуле. — Те материалы, которые имеются у правительства, представляют либо устарелые на полвека, либо заведомо фиктивные данные, причем без крайне трудной фактической проверки здесь нельзя пользоваться даже такими документами, как императорские эдикты, государственные бюджеты, таможенные отчеты и т.п.»¹⁵. Недостатки официальной информации Стрельбицкий восполнял личными наблюдениями, данными своих наблюдательных агентов и представителей сеульского чиновного мира, а также «старожилов» местной европейской колонии. В числе прочих добровольным конфиденнтом русского военного атташе состоял глава французской католической миссии монсеньор Мютель, который, по словам Стрельбицкого, являлся «одним из авторитетов по всем вопросам, касающимся взглядов и настроений народа»¹⁶.

Много времени и сил у Стрельбицкого отнимала проверка разнообразных слухов, которые в основном касались военных приготовлений Японии относительно Кореи, и связанные с этим командировки, бумажная и канцелярская работа — переводы¹⁷, копи-

рование секретных карт, планов и схем, добытых агентурным путем или приобретенных «по случаю», составление обширных донесений в Главный штаб, переписка по финансово-хозяйственной отчетности и т.д. Самостоятельным участком его деятельности была работа с секретной агентурой. В основном в ней были представлены корейцы, которых он направлял на север страны для наблюдения за положением на китайско-корейской границе или в те пункты юга и запада полуострова, в которых Япония, по слухам, готовила десантные операции. Постоянных информаторов в высшем военном руководстве королевства он не имел, очевидно, руководствуясь вышеприведенной оценкой степени осведомленности корейских правительственных чинов.

Весной 1898 г. ситуация в Сеуле круто изменилась. Под влиянием патриотических настроений корейских правящих кругов, которые Стрельбицкий зафиксировал еще в начале 1897 г., придворных интриг и в результате давления великих держав корейское правительство вынудило Петербург отозвать своих военных инструкторов (полковник Путята покинул страну еще в августе 1897 г.). В ответ на сообщение своего сеульского представителя, что русская миссия «в виде наказания» за это ходатайствует о «занятии севера Кореи», военный министр телеграфно приказал Стрельбицкому не пытаться как-либо воздействовать на вновь создавшуюся ситуацию, «не вмешиваясь [во] внутренние и политические дела» Кореи вообще¹⁸. На следующий день, 31 марта/12 апреля 1898 г., военный атташе получил указание в своих последующих донесениях «не касаться ни политических, ни внутренних дел страны», а «ограничиться сферой строго военных вопросов» — изучением полуострова «как театра военных действий и собиранием материалов для карты и описания Кореи»¹⁹.

Однако картографические работы не заладились. 25-верстную маршрутную карту по линии: залив Посъета-Гири-Мукден-Хамхын общей протяженностью в 5 тысяч верст Стрельбицкий смог закончить лишь в сентябре 1900 г., отчетливо при этом сознавая, что подготовленный им документ представляет собой не более, чем «материал для точных карт страны и попытку передать в общей сводке сеть путей и военно-географическую характеристику края»²⁰. Планы же картографирования севера Корейского полуострова вообще реализовать не удалось — правда, не по его вине. В итоге незадолго до начала войны с Японией российский Главный штаб констатировал, что «имеющиеся в нашем распоряжении карты Кореи в случае войны *не могут служить даже для предварительных общих соображений* и вообще при пособии их немисливо изучение Кореи как возможного района военных действий». Стрельбицкий был вынужден согласиться с такой крайне нелицеприятной для себя оценкой²¹. Российскому военному руководству не осталось ничего другого, как поручить своему токийскому представителю попытаться добыть карты Кореи, ранее составленные японскими штабными офицерами. На этом фоне странно выглядит стремление историка Е.В. Добычиной поставить создание военных карт Кореи в заслугу Стрельбицкому в бытность того в Сеуле.

Как того и требовало петербургское начальство, со второй половины 1898 г. пристальное внимание военного атташе стали привлекать корейские вооруженные силы. В 1899–1902 гг. Стрельбицкий представил в Главный штаб серию обзоров структуры, системы управления, вооружения, обучения, снабжения, состава и численности корейской армии по состоянию на январь и июль-август 1899 г., на середину 1900 г. и на конец 1902 г. с приложением дислокационных карт и разного рода таблиц. Такое внимание к корейской армии было вполне закономерным — в эти годы она быстро прогрессировала. Если в январе 1899 г. в вооруженных силах Кореи, по данным русского военного атташе, насчитывалось в общей сложности около 200 офицеров и 8 500 «нижних чинов»²², то в конце 1902 г. — уже порядка 15 тысяч в большинстве хорошо обученных и вооруженных солдат. На содержание этого войска, включая управленческие расходы, в 1902 г. ушло свыше четверти бюджета страны, или более 2,8 млн иен (во второй половине 1890-х гг. армейские затраты находились с корейским государственным бюджетом примерно в том

же соотношении, но в абсолютном исчислении были вдвое-втрое меньше, не превышая 1–1,2 млн иен). По мнению западных наблюдателей, в корейских войсках, которые еще в середине 1890-х гг. считались ни на что не годным «сбродом»²³, стал наблюдаться невиданный в них доселе «подъем духа»²⁴. Начальник образованного в 1900 г. Главного штаба Кореи (это был все тот же Мин Ёнхван) выступил с инициативой в скором будущем довести численность регулярной корейской армии до 100 тыс. солдат.

Стрельбицкий со своей склонностью к кабинетной аналитической работе за столь стремительными изменениями перестал успевать, сказала и его недооценка конфиденциальных источников информации²⁵. Как признавался он сам, в новых условиях свою главную задачу он видел в том, чтобы «хоть сколько-нибудь ориентироваться в положении дел и не оказаться захваченным врасплох какими-нибудь крупными событиями военного значения»²⁶. За период с января 1901 по май 1902 гг., то есть за 16 месяцев, Стрельбицкий сумел подготовить всего восемь докладов в военное министерство, что начальник Главного штаба поставил ему «на вид», предписав впредь доносить «обо всем происходящем в Корее» по крайней мере вдвое чаще — ежемесячно²⁷. Начальственный окрик не подействовал, и вскоре последовали более строгие меры — летом 1902 г. генерал Сахаров потребовал вообще отозвать Стрельбицкого из Сеула. «Ускорившийся ход политических событий на Дальнем Востоке и быстрота в развитии военной организации азиатских государств его, — мотивировал он императору необходимость замены Стрельбицкого подполковником Л.Р. фон Раабеном, — требуют особой энергии и наблюдательности от находящихся там наших агентов»²⁸. 28 августа 1902 г. Николай II санкционировал эту замену, как и предложение Главного штаба задержать Стрельбицкого в Сеуле до конца января 1903 г. для составления общего военно-статистического обзора Кореи. 11/24 февраля 1903 г. отставленный военный атташе сдал дела своей миссии фон Раабену (свое последнее донесение он направил в Главный штаб 13/26 февраля) и вернулся в Россию.

Подводя итог его деятельности на посту военного атташе в Сеуле, нельзя не признать, что главным ее результатом стало составление информационно-аналитических обзоров Кореи общеполитического характера, благодаря которым русское военное руководство впервые с момента установления русско-корейских дипломатических отношений оказалось детально осведомлено о состоянии Корейского государства и о его повседневной жизни. Благодаря вниманию Стрельбицкого к общественно-политической и финансово-экономической тематике, его донесения объективно явились частью культурного общения двух стран и по сей день остаются ценным источником для изучения русско-корейских отношений и истории самой Кореи. В собственно военных областях, особенно в картографии и сборе сведений о японском военном присутствии на полуострове, успехи Стрельбицкого оказались куда скромнее. Не случайно, что подготовленные им статистические и военно-топографические материалы не потребовались даже для составления специального доклада «О силах и средствах японцев для активных военных действий и о вероятных сроках высадки японских войск в Корее», который был подготовлен в Главным штабе весной 1901 г.²⁹

В конце июня 1903 г. Стрельбицкий прибыл в Петербург и «временно» поступил в распоряжение начальника Главного штаба. Знания, опыт и связи, приобретенные им на Востоке, оказались русским командованием не востребованы, сколько-нибудь самостоятельного участка штабной работы он не получил и к дальневосточным делам более не привлекался. Весной 1904 г., в разгар русско-японской войны, начальник Главного штаба, по просьбе эфиопского императора Менелика, командировал его как опытного рекогносцировщика вместе с военным топографом капитаном Я.И. Алексеевым в Абиссинию для работы в англо-египетской разграничительной комиссии³⁰. Деятельность Стрельбицкого на севере Африки, которая продолжалась до октября 1904 г., была отмечена орденом Эфиопской звезды 2 степени.

По возвращении Стрельбицкого из Абиссинии на родину его стали перемещать из одного подразделения Главного штаба в другое. В мае 1905 г. он был прикомандирован к военно-статистическому отделу Управления 2-го генерал-квартирмейстера, в июне 1906-го — к Главному управлению, в декабре 1907-го — к Военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В результате служебный рост Стрельбицкого остановился, прекратились и «пожалования» знаками отличия — свой последний русский орден (скромного Св. Станислава 3 степени) он получил еще в 1904 г. В 1911 г., на 34-м году военной службы, ссылаясь на «общее нервное расстройство», Стрельбицкий вышел в отставку с производством в генерал-майоры, мундиром и «усиленной» пенсией в 1613 руб. в год (которая, впрочем, составляла менее половины его прежнего жалованья в 3750 руб. в год)³¹. В 1914 г., 54-х лет, Стрельбицкий скончался, оставив вдову, урожденную княжну Андроникову, и детей — дочь Екатерину 21-го года и сына Георгия 18 лет.

1. Преемниками Стрельбицкого на этом посту стали: Генерального штаба подполковник Л.Р. фон Раабен (1871–1904), назначенный в августе 1902 г. (в Сеул прибыл 11 февраля 1903 г.); гвардии капитан (с конца 1903 г. Генерального штаба подполковник) Потапов — с октября 1903 г. и Генерального штаба полковник А.Д. Нечволодов (1864–1938), назначенный на этот пост 29 ноября 1903 г. В связи с началом русско-японской войны и оккупации Кореи Японией к месту службы Нечволодов доехать не успел и по прибытии на Дальний Восток был направлен в распоряжение штаба Маньчжурской армии, по поручению которого в годы войны руководил разведывательно-подрывными операциями против Японии в Корее.
2. См.: *Добычина Е.В.* О происках Токио в Корее на рубеже XIX–XX вв. исправно докладывал в С.-Петербург Генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий // Военно-исторический журнал. 2004. № 3; *она же.* Российские военные агенты на Дальнем Востоке о реорганизации разведслужбы в регионе в 1901–1902 гг. // Военно-историч. журн. 2010. № 8.
3. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 — Доклад военному министру генерал-адъютанту П.С. Ванновскому начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н.Н. Обручева. С.-Петербург, 9 апреля 1896 г.
4. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 — Донесение полковника Д.В. Путяты в Военно-ученый комитет Главного штаба. Сеул, 18/30 октября 1896 г. № 82.
5. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 353 об. — Всеподданнейшая записка полковника Д.В. Путяты. С.-Петербург, 6 ноября 1897 г.
6. РГВИА. Ф. 447 (Коллекция «Китай»). Оп. 1. Д. 69. Л. 4 об-5, 6 — Записка генерал-адъютанта Н.Н. Обручева о задачах России на Дальнем Востоке. 1895 г.
7. Подробнее об этом см.: *Симбирцева Т.М.* «Загадочный» барон фон Мёллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. 2001. СПб., 2002. С. 25–44; *Пак Б.Д.* Россия и Корея. Изд. 2-е. М., 2004. С. 145–147.
8. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 — Донесение полковника Д.В. Путяты в Военно-ученый комитет Главного штаба. Сеул, 18/30 октября 1896 г. № 82.
9. Там же. Д. 10. Л. 81 об., 85 об., 86, 102 — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 10/22 января 1897 г. № 1.
10. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 173 — Копия телеграммы в Главный морской штаб контр-адмирала Ф.В. Дубасова. Владивосток, 27 декабря 1897 г.
11. Цит. по: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начала XX вв. СПб., 2008. С. 266.
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 3.
13. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 128 об. — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 25 мая/6 июня 1897 г. № 33.
14. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 8. Л. 50. — Записка генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина. С.-Петербург, 23 марта 1898 г.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 3 об. — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 17/30 сентября 1902 г. № 78.
16. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 86 об.

17. Самым крупным текстом иностранного происхождения, который Стрельбицкий направил в Петербург, стал перевод на русский язык дебатов японского парламента по вопросу о Сеул-Фузанской железной дороге. Не владея восточными языками (он знал только английский и французский), для знакомства с документами на корейском и японском языках Стрельбицкий был вынужден прибегать к услугам переводчиков.
18. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 178 об., 186 — Шифрованная телеграмма И.И. Стрельбицкого в Главный штаб (Сеул, 5/17 марта 1898 г.) и ответ начальника Азиатской части Главного штаба генерал-майора В.У. Соллогуба от 30 марта/11 апреля 1898 г.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 3 — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 17/30 сентября 1902 г. № 78.
20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 21 — Объяснительная записка И.И. Стрельбицкого к 25-верстной маршрутной карте. Сеул, 2/15 сентября 1900 г.
21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 41–41 об. — Справка по Главному штабу о положении дел в Корее. С.-Петербург, 13 июля 1903 г. «Мнение это совершенно сходится с заявлениями бывшего военного агента в Корее, Генерального штаба полковника Стрельбицкого», говорилось в примечании к документу.
22. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 317. Л. 19–28 об. — Отчет И.И. Стрельбицкого в Главный штаб о состоянии вооруженных сил Кореи к началу 1899 г. Сеул, 4/16 января 1899 г. № 1.
23. Именно так («gabble») о корейском войске в частной переписке тогда отзывался британский генеральный консул в Сеуле Джордан (J.N. Jordan). Цит. по: *Lensen, George A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Press of Florida, 1982. Vol. II. P. 889.*
24. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 321. Л. 287–288 — Всеподданнейшая записка А.Н. Куропаткина с приложением перевода статьи из газеты «The China Telegraph». С.-Петербург, 16 января 1901 г.
25. О том, какие возможности для приобретения секретной агентуры среди высокопоставленных чиновников открывались в Корее тех лет, говорит опыт Л.Р. Фон Раабена. Тому понадобилось менее полугода, чтобы заполучить в негласные информаторы дворцового адъютанта, начальника Сеульского юнкерского училища и даже особо приближенного к корейскому монарху руководителя его военной канцелярии. — РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 41 — Справка по Главному штабу о положении дел в Корее. С.-Петербург, 13 июля 1903 г.
26. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 5 — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 17/30 сентября 1902 г. № 78.
27. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 13 — Отношение начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова полковнику И.И. Стрельбицкому в Сеул. С.-Петербург, 15 мая 1902 г. № 1581.
28. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3002. Л. 2 — Всеподданнейший доклад начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова. С.-Петербург, 23 августа 1902 г. № 41 с пометой о «высочайшем соизволении». В том же представлении начальник Главного штаба ходатайствовал об отзыве полковника Г.М. Ванновского, «военного агента» в Токио.
29. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 35 — Справка генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майора Я.Г. Жилинского. С.-Петербург, 21 марта 1901 г.
30. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3002. Л. 47 — Всеподданнейший доклад начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова. Петербург, 8 марта 1904 г. № 8 с пометой о «высочайшем соизволении».
31. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Л/с 7822. О производстве с увольнением от службы числящегося по Генеральному штабу полковника Стрельбицкого.